

История психологии

© 1997 г. Е.Е. Соколова

**НЕКОТОРЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
НАУЧНЫХ ШКОЛ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА**
(на материале школы А.Н. Леонтьева)*

На примере школы А.Н. Леонтьева (1903–1979) выделяются и анализируются некоторые социокультурные факторы развития научных школ в отечественной психологии второй половины 20-х – начале 40-х гг. XX в.: коллективность научного творчества и особенности мотивации ученых тех лет. Исследование проведено на основе архивных материалов, в частности, личных писем, ранее не публиковавшихся.

Ключевые слова: школа А.Н. Леонтьева, социокультурные факторы развития науки, коллективность научного творчества, мотивы научной деятельности.

В последние годы в отечественной историко-научной литературе наблюдался легко объяснимый бум исследований на тему "репрессированная наука" (одним из самых известных примеров тому являются два выпуска книги под таким названием, вышедших соответственно в 1991 и 1994 гг. [11, 12]). Выделение сугубо негативных моментов истории науки в нашей стране, однако, не может объяснить неоднократно отмечавшийся историками науки парадокс: несмотря на условия тоталитаризма, репрессии, гонения и т.п., в СССР именно в самые "глухие" годы сталинщины (конец 20-х – 30-е гг.) были созданы творения величайшей общемировой значимости практически во всех науках, в том числе – гуманитарных.

Не является исключением и психология, в которой (конец 20-х – 30-х гг.) формируются важнейшие психологические школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др., определившие лицо отечественной психологии на долгие десятилетия вперед, и их потенциал еще далеко не исчерпан. Особенно впечатляют эти достижения на фоне идейного и организационного "разброда и шатаний" в современной психологии, которую захлестнула волна прагматической "практической" ориентации по западному (точнее, американскому) образцу, отрицания теоретического и практического потенциала отечественной психологии. И, соответственно, мы наблюдаем "творческое бесплодие" в условиях, казалось бы, полной свободы развития науки. В этой связи возникает потребность объективного исследования влияния на развитие науки в нашей стране различных социокультурных обстоятельств.

В последнее время слово "социокультурный" стало довольно модным, однако до сих пор нет единого понимания, что именно включает в себя понятие "социокультурные факторы развития науки". Различные авторы выделяют в качестве таковых разно-

* Статья написана на основе доклада на I Российской конференции "Психология сегодня" 31 января 1996 г., подготовленного в рамках проекта, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом (код 95-06-17493).

порядковые вещи: социально-экономический строй общества, особенности политики государства по отношению к науке, культурные традиции страны, экономическое положение ученого и научных школ, особенности быта ученого, мотивацию научной деятельности и ценности научного сообщества и т.п. — в общем, все то, что в традиционной историографии науки считалось "внешними" по отношению к науке факторами, поскольку история науки в данной традиции выступала прежде всего как "история идей".

Однако благодаря работам французских историков школы "Анналов" (М. Блок, Л. Февр и др.), исследованиям некоторых известных отечественных гуманитариев (М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, А.Я. Гуревича и др.) и историко-психологическим работам М.Г. Ярошевского, обосновавшего "трехаспектный" подход к исследованию научного творчества, история науки предстает теперь как история людей, работавших в науке в определенные исторические эпохи и в конкретных общественных условиях. Основной проблемой историка науки в этой связи является не простая констатация "социальной обусловленности науки", а выявление конкретных форм "преломления" социального заказа и других "социокультурных" факторов в "ткани" реальной жизни конкретного научного сообщества [1, с. 5].

Предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой попытку выделения и анализа влияния некоторых социокультурных факторов на формирование и развитие научной школы Алексея Николаевича Леонтьева (1903–1979), ставшего, как известно, автором наиболее разработанного варианта деятельностного подхода в психологии. Основное внимание будет уделено периоду возникновения и первоначального развития данной школы (второй половине 20-х — началу 40-х гг. XX в.). Исследование проводится на основе архивных материалов (из личного архива А.Н. Леонтьева, любезно предоставленного его близкими, за что выражаю им глубокую благодарность) и имеет "пилотажный" характер, поэтому многие высказанные в нем положения следует рассматривать как заявку на будущие исследования.

Но прежде — одно важное замечание. Нарисованная в статье картина может показаться читателю слишком уж идиллической на фоне известных ему негативных фактов как из рассматриваемого периода истории нашей страны в целом, так и истории психологической науки, в частности. Однако данный "положительный" акцент сделан не случайно, а по следующим причинам.

Во-первых, как уже отмечалось, особый интерес представляет исследование тех факторов, которые как раз и помогли складыванию, выживанию и достижению высоких научных результатов отдельных научных школ в жестоких условиях того времени.

Во-вторых, предметом исследования являются взаимоотношения внутри школы А.Н. Леонтьева, которые способствовали ее консолидации. Проблемы "межшкольных" взаимодействий должны быть предметом специального исследования. Поэтому, например, известные факты весьма напряженных отношений между А.Н. Леонтьевым и Л.С. Выготским в последний период жизни последнего (они, в частности, отмечены в книге Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой — [2, с. 316–318]), а также сложные отношения между А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном и их школами, которые также имели место в рассматриваемый и последующий периоды, остались за пределами нашего анализа.

И, в-третьих, соответствующие акценты были во многом предопределены характером анализируемого материала, в чем читатель убедится сам.

КОЛЛЕКТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ЦЕННОСТЬ

Гипотеза о коллективности научного творчества как важнейшей ценности научных сообществ и важнейшем факторе развития науки в России высказывалась многими отечественными и зарубежными исследователями. Традиции превращения всего или части научного коллектива в дружеский или даже "семейный" кружок в буквальном и

переносном смысле слова прослеживаются в русской науке с середины XIX в.: «Для русских ученых типично противопоставление официальной, казенной, "ненастоящей" и неофициальной, "настоящей" науки» [1, с. 7]. Многие идеи участников таких кружков очень часто рождались в непринужденной атмосфере споров за дружеским столом, в различных домашних конференциях и "фестивалях науки" на дачах (термин Т.О. Гиневской из письма к А.Н. Леонтьеву от 18 июля 1940 г.), а официальные семинары и конференции рассматривались как "казенные" мероприятия, на которых можно лишь доложить эти результаты. Такая "культура научного кружка", по мнению Д.А. Александрова, была характерна до 1920-х гг. и исчезла вместе с появлением в науке новых "партийно-профсоюзных" выдвиженцев, которые чувствовали себя своего рода маргиналами в среде старой интеллигенции и готовы были разрушить эту форму "научного быта", не брезгуя при этом различными средствами (так, Д.А. Александров [1] объясняет факт доноса на членов научного кружка С.С. Четверикова тем, что автора доноса не приняли в его члены). Мне представляется, что нельзя столь категорично утверждать о разрушении культуры кружков именно в 20-е годы – не знаю, как в других науках, а в психологии таковая сохранялась достаточно долгое время и как раз и была особенно характерна для школы А.Н. Леонтьева в 30-е и 40-е годы.

Как известно, в начале 30-х А.Н. Леонтьев уезжает с некоторыми своими единомышленниками в Харьков и там образуется Харьковская группа психологов – феномен, который, на мой взгляд, совершенно недостаточно изучен даже в предметно-логическом аспекте. Из писем Харьковских психологов главе школы мы прямо узнаем, что они называли А.Н. Леонтьева не иначе, как "главой нашего семейства".

"Дорогой Алексей Николаевич! – пишет в своем письме с фронта от 11.05.1942 Г.Д. Луков. – Всем нашим друзьям порознь написать я сейчас не могу. Поэтому пишу тебе – главе нашего бывшего семейства. Это имеет смысл, так как в твоей новой семье есть ее старые члены – мои друзья" [10, с. 5].

В письмах друг другу члены школы Леонтьева делились бедами и горестями, беспокоились о здоровье друг друга и обменивались психологическими идеями. Т.О. Гиневская в письме от 24 мая 1939 г. выговаривает А.Н. Леонтьеву: "Дорогой и несправедливый друг! Ну как Вам не стыдно недоумевать по поводу моего молчания? Вы-то хороши! Почему Вы не пишете по месяцу!".

Переписка не прекращалась даже во время войны. Например, П.Я. Гальперин с ноября 1942 г. по январь 1943 г. писал письма и слал телеграммы А.Н. Леонтьеву в среднем еженедельно (а некоторые – буквально ежедневно). В этот период он добивался своего перевода из Тюмени, где работал ординатором восстановительного отделения госпиталя, в госпиталь к А.Н. Леонтьеву (в местечке Кауровка под Свердловском).

Работать опять в кругу "семьи" – вот величайшее счастье для всех членов Харьковской группы, и они упрямо желают и добиваются этого даже в сложнейших условиях того сурового времени. Из письма П.Я. Гальперина А.Н. Леонтьеву от 16.07.1942 из Тюмени в Свердловск: "От Твоего письма на меня повеяло речью друга и я почувствовал вдруг, как страшно стосковался по такой речи! Я иду навстречу ей и протягиваю Тебе обе руки. У меня нет никаких сомнений, никаких возражений... Сейчас у меня большое и настоящее желание жить в духе и работать вместе. Точнее: вместе с Тобой. Для этого я готов жертвовать очень и очень многим. Можешь рассчитывать на меня полностью и распорядиться моей кандидатурой, как сочтешь лучшим для нашего объединения и общей работы. Ты учтешь мои наклонности к теоретической и преподавательской работе, а остальное – безразлично".

Следует обратить внимание на два момента: *Ты* (обращение к Леонтьеву написано с большой буквы – и это не случайность, это повторяется во многих письмах) и выражение *"жить в духе"*. Работать вместе, вместе с Тобой – для многих и многих сотрудников-друзей А.Н. Леонтьева это настоящий *"интеллектуальный праздник"* (еще одно выражение П.Я. Гальперина из письма А.Н. Леонтьеву от 11 декабря 1942 г.), о необходимости которого признаются многие его ученики.

Из письма Л.С. Славиной от 4 июня 1943 года из Алма-Аты, где она работала в это время научным сотрудником и даже писала диссертацию: "Помимо радости – написать Вам и получить от Вас ответ, узнать, как Вы живете, как Ваша семья и как живут наши общие знакомые, я имею к Вам дело. Дело это заключается, конечно, в вызове меня в Москву, ...в Психол. инст[итут]. Может быть, сейчас, мы все вместе сумеем там работать. Это было бы, наконец, большое счастье".

Такое отношение к науке, как и отношение к соратникам и друзьям, имело уже давние традиции в отечественной психологической науке и, в частности, характерно и для школы Л.С. Выготского, непосредственными сотрудниками которого были с середины 20-х гг. А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец и др. Об этой стороне жизни школы Л.С. Выготского можно прочесть в книге А.А. Леонтьева о Выготском [5], поэтому упомяну всего лишь один эпизод из жизни Выготского в самом начале 30-х гг., когда многие его сотрудники и ученики уже находились в Харькове.

Вспоминает Г.Л. Выгодская: "Дискуссии о переезде в Харьков у нас дома я помню. Дело в том, что на Украине тогда был жуткий голод и в газетах писали, что прямо на улицах умирают люди и лежат трупы (имелся в виду голод 1932–1933 гг. – Е.С.). Родители обсуждали это, и я была очень напугана и кинулась к папе со словами: не надо, не надо туда ехать! А папа всегда говорил маме: там товарищи и нам надо туда переезжать" (цит. по [8, с. 73]). Не переехав в Харьков, Выготский тем не менее бывал в нем наездами, хотя эти поездки, кроме всего прочего, явно подтачивали его здоровье.

"Слышал здесь раз Выготского, – пишет А.Н. Леонтьеву П.Я. Гальперин 7 июня 1933 г. – Его кашель и непрерывное откашливание в платок производят гнетущее впечатление".

Впрочем, проблема межличностных отношений в школе Выготского и возникших в начале 30-х годов "межшкольных" взаимодействий между ним и Харьковской группой с учетом известных фактов появления напряженности в общении с Леонтьевым в последние месяцы жизни Выготского, на мой взгляд, еще ждет своего исследователя.

Коллективность работы членов школы А.Н. Леонтьева иногда выступала в самых что ни на есть прямых формах. Вспоминает Д.Б. Эльконин: "Когда после Павловской сессии создалось положение, ставившее под сомнение существование психологии как самостоятельной науки со стороны наиболее агрессивно настроенных физиологов, Алексей Николаевич решил опубликовать статью о рефлексаторной природе психики и привлек к работе А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина, А.Р. Лурию и меня. На протяжении нескольких недель мы работали на квартире у А.В. Запорожца на улице Грановского и коллективно, как Кукрыниксы, творили эту статью. Алексей Николаевич был центром этого коллектива... Никто не думал об авторстве, о собственном вкладе, работали во имя психологии..." [13, с. 249].

В этой связи обращает на себя внимание сформулированная А.И. Мелуа гипотеза: репрессии в науке были возможны только благодаря тем ученым, которых отличала "недостаточная приверженность... идее поддержания коллективности научного труда" [12, с. 5] и как неизбежное следствие таковой – "эгоистические намерения, завистливые настроения, а затем и огульное преследование работающих по-другому, думающих иначе, достигающих большего" [там же, с. 6].

Мне представляется, что данная гипотеза нуждается в исследовании для подтверждения или опровержения на материале истории отечественной науки, и в нем достойное место займут материалы, посвященные этой стороне творчества Леонтьевской школы, в которой не было места подобным отношениям! Как в каждой дружной семье, у них были свои "роли": "признанным лидером был А.Н. Леонтьев, совестью – А.В. Запорожец, гением – А.Р. Лурия, мужественным научным темпераментом, щедро разбрасывающим свои идеи – Д.Б. Эльконин. Учителем же всегда был П.Я. Гальперин" [3, с. 76]. Конечно, как и в каждой семье, у них были свои сложности и проблемы, но все-таки это была семья, скрепленная не только дружескими узами: их объединяло Общее Дело – Психология.

"ДЕЛАТЬ ДЕЛО СВОЕЙ ЖИЗНИ" КАК КРЕДО ШКОЛЫ

Сейчас много говорят о недостатке профессионализма в науке и в психологии, в частности. Основной причиной этого, на мой взгляд, является отсутствие ответственного отношения к делу. В последнее время для многих психологов (особенно молодого поколения) научная деятельность стала побочным, не основным делом, научное познание как таковое перестало быть мотивом поведения научного работника. Можно сетовать на меркантильность молодого поколения, однако нельзя забывать, что это результат преломления современного "социального заказа" в конкретной жизни науки. Этот заказ совсем недавно четко "озвучил" мэр Москвы Ю.М. Лужков на лекциях, прочитанных в МГУ и МГТУ: "Как прагматик убежден, что... нужно исходить не "из принципов", а "из выгоды". Развитием общества должна править польза, выгода. **Личная польза, личная выгода**" [7].

В этом-то все и дело. Превращение цели "заработать на жизнь" (пусть даже и наукой) в мотив поведения представляет собой, на мой взгляд, главную причину кризиса науки и всей гуманитарной культуры, в частности. Как заметил Ю. Кублановский (рассуждая о современной литературе), в условиях продажи не "рукописи", но самого вдохновения, когда побочный расчет присутствует уже на уровне замысла, произведение получается вымученным, неживым, искусственным [см. 4, с. 249].

А вот в школе Леонтьева главными были именно "принципы", а не личная выгода. "Делать дело своей жизни, осуществлять свое человеческое назначение", – так выразил А.Н. Леонтьев собственное кредо в последней книге [6, с. 226]. В письмах членов Харьковской группы друг другу часто встречается написание слов "Дело" и "Психология" с большой буквы.

Даже в условиях войны психологи не забывали, кто они. Г.Д. Луков пишет с фронта А.Н. Леонтьеву: "Я пока не потерял интереса к тому делу, которым занимался когда-то и поэтому прошу тебя написать мне, что делается там у Вас. Не забудь написать о действующих лицах (Рубинштейн, Корнилов, Лурия и др.)" (открытка от 11.10.1942 г.).

На фоне часто встречающейся сегодня откровенной халтуры в области преподавания, которую некоторые считают неизбежной при ориентации "на выгоду", покажутся, наверное, непонятными терзания отдельных членов школы Леонтьева, которые жили как раз "принципами", а не "выгодой". Вот отрывок из письма (без даты) О.М. Концевой, написанного, по-видимому, в первой половине 30-х гг. В это время она читала в Черкассах курс лекций по психологии и обратилась с письмом к А.Н. Леонтьеву с просьбой разъяснить кое-какие моменты его "деятельностного понимания" психики для использования в курсе лекции. И в конце письма – просто исповедь человека, испытывающего чувство высокой ответственности за Дело: "Пока мой авторитет держится, я вижу, наверное потому, что я читаю без конспектов (они мне мешают) и внешне гладко. Эта история с сознанием (о которой я Вам пишу) для меня трагична не потому, что студенты что-нибудь заметили, что я напутала, все прошло гладко, но я же сама вижу, что это не так, поэтому какой-то неприятный осадок остался и дает себя знать. Вообще мой недуг – сознание своего собственного ничтожества, не так легко вылечить... Мне иногда бывает так невыносимо тяжело, что просто жить не хочется... Зачем я сознательно исковеркала себе жизнь? Не пошла я бы учиться в аспирантуру, учительствовала бы спокойно, не было бы этих вечных терзаний. Была бы как все. А так хочется оправдать высокое звание "научного работника", которое тебе дали и чувствуешь, что у тебя нет для этого данных. Порвать же совсем, уйти из этой области работы – тяжело, уже освоилась как-то, сформировались какие-то методики и вырвать их из себя и заменить другими невозможно. Подобная требовательность к себе вытекала, на мой взгляд, из признания высшей ценности "науки в себе", а не "себя в науке", т.е. в школе Леонтьева мотивом занятий наукой было именно научное познание, а не какие-либо иные "внешние" мотивы.

При этом особенно важным для данной школы было признание социальной значимости психологии, "выход" на проблемы общества, а не занятия "чистой наукой". Об этом свидетельствует выдержка из письма Т.О. Гиневской А.Н. Леонтьеву от 26 августа 1937 г.: «Великолепна была и встреча с Даниилом Борисовичем (Элькониным. — Е.С. Напомню в этой связи, что за "педологические грехи" Эльконина уволили с работы и лишь директор школы, где учились его дочери, на свой страх и риск взял его учителем начальных классов; см. [9, с. 9]). Он приехал специально с дачи... и два дня мы провели с ним и его женой. Много пили, говорили, смеялись, много было излито человеческой нежности и горьковатой радости. Положение у него — не сильно заманчивое... Он учитель на несколько лет с 275 руб. в месяц. Жена зарабатывает больше. Зато есть возможность работать для себя — но в этом нет объективной цели "не для себя", а потому скучновато, видно, ему заниматься самоусовершенствованием. О вас говорит с любовью и мечтает о приезде в Х[арко]в зимой».

Даже, казалось бы, далекие от академической науки темы (например, исследование интересов посетителей парка Горького в Москве, к которому были привлечены Леонтьев, репрессированный впоследствии А.И. Розенблюм, Л.И. Божович и др., проведенное летом 1935 г.) охотно разрабатываются в школе Леонтьева, поскольку они свидетельствуют о практической значимости психологии: "Разве парковская работа — не капитал для ВИЭма (Всесоюзного института экспериментальной медицины, куда в это время пригласили работать А.Н. Леонтьева. — Е.С.). — И это тоже практика, тоже человек" (Письмо П.Я. Гальперина А.Н. Леонтьеву от 27 марта 1936 г.).

* * *

В настоящей статье был лишь начат анализ влияния некоторых социокультурных факторов на формирование и развитие научных школ в гуманитарных науках в 20–40-х гг. XX в. на материале одной психологической школы. За пределами рассмотрения остались проблемы взаимоотношений "учителя" (главы школы) с учениками, ученого с властью, проблема форм взаимодействия различных научных школ друг с другом (в частности, школ А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна) и др. Однако и представленный материал, на мой взгляд, может внести свой вклад в установление исторической правды о науке и ученых первых лет Советской власти, а также в определенной мере содействовать оптимизации жизни современных научных сообществ, переживающих сейчас нелегкие времена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
2. Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл. 1996.
3. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. М.: Тривола. 1994.
4. Кублановский Ю. Возможности творчества // Новый мир. 1995. № 4. С. 247–250.
5. Леонтьев А.А. Л.С. Выготский. М.: Просвещение. 1990.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // А.Н. Леонтьев. Избранные психол. произведения. В 2 тт. Т. 2. М., 1983. С. 94–231.
7. Лужков Ю. Эгоизм власти // Московская правда. 30.01.1996.
8. Лурия Е.А. Мой отец А.Р. Лурия. М.: Генезис. 1994.
9. Нежнова Т.А. От составителя // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1989. № 4. С. 9–10.
10. Письма психологов Харьковской группы А.Н. Леонтьеву в годы войны (подборка Соколовой Е.Е.) // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 5. С. 4–11.
11. Репрессированная наука / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 1. Л.: Наука. 1991.
12. Репрессированная наука / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Вып. 2. СПб.: Наука. 1994.
13. Эльконин Д.Б. Воспоминания о соратнике и друге / А.Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. С. 244–251.